

Таяло. Дорога плохо почищена, скользкая, можно сказать, ледяная. Впереди Максим увидел большой гусеничный трактор с ножом, который шёл почти по бровке, но всё-таки захватывал дороги. Первое, что пришло на ум: сбавить газ и не обгонять на повороте — скользко. Но в ту же секунду включил левый поворотник, потом правый. Со встречки никто не выскочил, поэтому прошёл удачно, прямо посередке дороги. Стрелка спидометра перескочила 80. И никакой суеты. Всё чётко, ничего лишнего. Пора снимать жёлтый восклицательный знак с заднего стекла. Ещё бы — обогнал трактор!

Машину занесло немного влево. Он привычно выровнял её. Удивился и даже огорчился, когда увидел, что теперь машину несло вправо. Он не знал, как и когда это произошло, но стало не по себе. Хотя мысли его были где-то далеко, где-то рядом с жёлтым восклицательным знаком.

Теперь занесло влево намного сильнее. Он ещё раз крутанул руль вправо. А вдруг всё выровняется, всё наладится?.. Впереди, метрах в двухстах, он увидел начало какой-то деревни. Вот и знак на белых ножках. Тёмно-синее название деревни в белой рамке. Машину несло по льду. Её почти развернуло

поперёк дороги. Она влетела в правый белый сугроб. Впереди, прямо перед глазами, стеной стоял тихий зимний лес. Последнее, что успел подумать: он один, никого не взял с собой. Машину обдало снегом, ударило снегом в стёкла. “Полетел”, — скорее почувствовал, чем подумал он. Из бардачка, откуда-то с потолка посыпались бумажки, салфетки, лампочки, гайки, какая-то мелочь. Казалось, что машина разваливается на части. Через доли секунды она стукнулась о землю и встала на водительский бок.

Максим оказался теперь где-то, внизу, около самой земли. Живой. Первым делом отстегнул ремень безопасности. Выдернул ключ зажигания. Панель всё ещё светилась, значит, фары не выключены. Долго хлопал рукой, искал клавишу, чтоб выключить. Но не мог. Когда лежишь на боку, всё воспринимается по-другому. Хотелось поскорее выбраться. Он быстро поднялся, не обращая внимания на то, что стоит на боковом стекле и может выдавить его, попытался открыть пассажирскую дверку. Она открылась. Подтягиваясь на руках, толкая дверку головой, цепляясь ногами за что попало, похоже, опершись о водительское сиденье, выбрался наружу. Как из люка.

Вокруг был тихий зимний лес.

Максима улетела в кювет метров пять высотой. Она лежала на боку, чуть накренившись, словно в раздумье: переворачиваться окончательно на крышу или нет. Рядом лежали небольшие сломанные деревца, верхний погнутый багажник. Фары горели, но как-то тускло — видимо, это были габаритные стояночные огни. Внутри, в капоте, что-то капало, слегка пахло бензином. Ничего не дымилось и не горело.

Максим пальцем поправил очки (хорошо, что они не потерялись и не разбились), пригладил ладонью кудряшки своих волос и наискосок выбежал на дорогу. Трактор был ещё далеко. Максим посмотрел вниз на свою машину. Следы к ней были только его. Значит, она улетела по воздуху. По воздуху. Метров десять. В воздухе её окончательно развернуло носом против движения, едва не поставило на крышу и чуть было не хлопнуло об землю. Но не дали багажник и маленькие деревья — они смягчили удар. Помог и снег. Слава Богу. Фары слабо горели, как глаза собаки дворняги, которая ластится к тебе и показывает незащитное брюхо.

Трактор всё ещё был далеко. Максим спустился, открыл дверцу и забрался внутрь до пояса. Посмотрел, посмотрел, но ничего не сделал. Вылез обратно. Испугался, что трактор проедет мимо. Выбежал на дорогу снова и стал дожидаться, смотрел, как трактор увеличивается в размерах. Наконец, он стал таким большим, что стало страшно. Нож его, огромный, косой, остановился прямо около ног Максима. Тракторист где-то там вверху за стеклом кабины дёрнулся в одну сторону, в другую и открыл дверку:

— Чего тебе?!

— Лежит.

— Чего лежит?

Максим почему-то думал, что тракторист знает, что произошло, и всё видел. Но тракторист не видел. Пришлось кивнуть в сторону машины. Только тут тракторист заметил машину. Он выпрыгнул на гусеницу, потом в снег. Подошёл и посмотрел внимательно. Потом взглянул на Максима.

— Как это ты так? Сам-то как? Один был? — Голос тракториста стал добрее.

— Один, со мной ничего, пристёгнут был. Сначала в одну сторону, потом в другую... — Всё прямо словно зачесалось, как захотелось рассказать, но тракторист не стал слушать, уже медленно спускался к машине. Обернулся:

— Надо бы фары выключить, а то замкнёт, — и пошёл дальше. Максим за ним. — Деревья помогли и багажник. Теперь уже не перевалит на крышу, вон, в кусты упирает, — рассуждал тракторист. На вид он был весь какой-то плотный, тяжёлый, словно сбитый из пластилина. И лицо, словно из пластилина слеплено: овальный катыш головы, лепестки ушей, слегка прижатые шерстяной шапкой. Две шишки надбровных дуг, вдавши глаз. Большой нос картошкой и толстые припухшие губы. — Оттуда зацепим и на

колёса поставим, а потом выволокем. Ты полезай, полезай внутрь, — он открыл дверку.

Залезать не хотелось. Казалось всё-таки, что кусты не удержат, и машина перевалится на крышу.

— Троса только вот у меня нет длинного. Вот в чём дело. Надо трос искать, — сказал тракторист кому-то, но не Максиму. Так разговаривают по телефону с наушниками.

— У меня трос есть, — ответил Максим уже из машины.

Тракторист не расслышал.

В машине повсюду были разбросаны барбариски — Максим всегда брал их в дорогу.

— Выключай давай! — крикнул тракторист. — Слева кнопка!

— Выключил. У меня где-то трос есть, — снова сказал Максим. — Достать?

— Документы достань! Только на стекло не наступай смотри. — Он ещё что-то пробубнил, потом ещё что-то, но ничего было не понять.

Трос куда-то пропал. Наконец, Максим подал документы и вещи через дверку трактористу. Дверка захлопнулась, и было видно сквозь налипший на лобовое стекло снег, как тракторист медленно пошёл к дороге. В одной руке у него была сумка с документами, в другой — с одеждой. В машине стало совсем неудобно, и Максим, снова толкая дверку головой, вылез наружу.

На дороге стояла маленькая зелёная машина и мигала правым передним поворотником (задний, видимо, не работал). Около машины суетились двое мужиков в суконных пиджаках и валенках. Один из них сидел на корточках, валенки у него были какие-то особенно большие. Увидев Максима, он распрямился:

— Здорово, Юрий! — почти крикнул.

— Я не Юрий, — сказал Максим, ему стало неприятно.

— Так, наверно, и не Гагарин? — засмеялся мужик. — Извини, друг. Поможем.

Второй мужик стоял молча. Он очень походил на тракториста. Тоже словно из пластилина слеплен. Нос картошкой, такая же точно шапка, и уши точно так же этой шапкой слегка прижаты.

Максим поднялся на дорогу. Тракторист стоял рядом с трактором с сумками в руках, словно ждал автобуса. Подошли мужики. Тот, что разговаривал, похлопал Максима по плечу:

— Извини, друг, я ведь тоже не Юрий и тоже не Гагарин, — и засмеялся. Но как-то неестественно, словно у него это было нервное, закашлял. Когда перестал смеяться, снова похлопал Максима по плечу:

— Ты, друг, беги в деревню. Второй дом справа, найди Колю Носатого. У него трос есть. Скажи, от Свояка, — он улыбнулся, и оказалось, что у него нет половины зубов.

Но Максим не двигался с места. Тот мужик, что походил на тракториста, толкнул беззубого кулаком в бок и кивнул в сторону своей зелёной машины. Беззубый отмахнулся от него, взял Максима за плечи:

— Ты, друг, беги, беги к Коле. У него трос есть. Поможем.

Но он всё стоял, словно не слышал. Мужики сели в машину, она зарычала очень громко. Потом машина развернулась и уехала. Подошёл тракторист и посмотрел ему прямо в лицо. Максим всё понял. Он пошёл, а потом побежал. Ему очень захотелось пробежаться, он почему-то вдруг поверил этому беззубому.

Коля жил в старом рубленом доме, низком-низком. Весь передний напуск крыши, закрывающий фасад от дождя, был без шифера и без рубероида — одни доски и щели между ними. Словно перья у птицы. Дорожка к дому не прочищена — едва натоптана узкая тропинка. Разваливающаяся калитка забора была открыта наполовину, да так и застряла в снегу. Дверь на веранду низенькая, открывается тяжело, со скрипом, не до конца. И всё на веранде какое-то низенькое, маленькое, невзрачное, стёкла окон тусклые, грязные.

Максим постучался в обитую одеялом дверь и вошёл в избу. Натоплено жарко, очки запотели. Свет лампочки и люди где-то справа за печкой. Максим шагнул туда, на ходу протирая линзы очков платочком. На кухне на стене висел портрет во весь рост какого-то святого. В золочёной рамке. Под ним на табуретке сидел нога на ногу маленький мужичок в свитере и спортивках, босиком. Нос его был словно свёрнут в сторону — так иногда рисуют носы, когда не умеют рисовать. Напротив маленького мужичка, спиной к Максиму, сидел высокий и широкий в плечах — просто великан. Он упирался локтями в стол, был в тяжёлой чёрной шубе. На макушке его головы — лысина, а оставшиеся волосы длинные и седые.

Максим сразу догадался, кто из них Коля, но всё-таки спросил:

— Здравствуйте! Мне бы Николая!

Коля, видимо, не расслышал и крикнул с визгом:

— А вам кого?!

Великан медленно повернул голову в сторону Максима. Брови у великана были густые и тоже седые. Максим повторил:

— Здравствуйте! Мне бы Николая.

— Ну, я Николай. Что надо? — казалось, что он смотрит одновременно и на Максима, и в ту сторону, куда нос. Вдоль по носу полоса, чуть наискосок. Шрам. Словно когда-то нос отрубили, а потом пришили обратно.

— Я тут перевернулся на машине, мне бы трос. Меня к вам направили. — Максим поиграл ключами от машины. Игра ключами, видимо, не понравилась Николаю. Он сложил руки на груди:

— Нету троса.

Максим не смог ничего ответить и только убрал ключи в карман.

— Меня к вам направили, сказали, что есть. От Своеяка.

Лицо Николая изменилось. Он убрал руки с груди и глянул на великана:

— Это наши люди.

— Ну, если наши, так дай. Если есть трос.

— Есть, есть, — засуетился Коля и встал. Сразу стало заметно, насколько он пьян, — едва держался на ногах. — Трос есть. Своим дадим.

Коля сначала по печке, а потом по стенкам вышел на улицу. Максим шёл сзади. Коля постоянно повторял, что он пьяный, но не давал помогать себе, стараясь идти сам. Около сломанной калитки он поскользнулся и упал лицом и голыми руками в снег. Максиму стало жалко его. Когда Коля приподнялся, всё лицо его оказалось в снегу, словно чем-то изуродовано. Он отёр лицо ладонью и тихо сказал:

— Вот видишь.

Когда пришли к гаражу, оказалось, что он не закрыт. Одна из небольших дверок тоже, как и калитка, открыта наполовину и застряла в снегу. В эту открытую щель вела собачья тропинка. Коля заглянул внутрь, потом ещё раз. Сказал, словно протрезвевший:

— Нету троса. Всё я пропил, парень.

Максим не сразу понял, к чему это сказано, и всё стоял в нерешительности.

— Ты где улетел-то?

— Вот, прямо перед деревней.

— На Мостках значит. Нету, парень, троса, — Коля ещё что-то говорил, но Максим не стал его слушать, пошёл.

— Я, парень, сейчас приду туда, помогу.

Максим уже с дороги взглянул на Колю около гаража, стоявшего на морозе в одном тонком свитере, в спортивках, в большущих кирзовых сапогах не по размеру, и зачем-то сказал ему: “Спасибо”.

Около трактора стояла теперь белая машина, точно такая же, как до этого зелёная, только теперь — белая. Из машины вылез шофёр, немного пошатываясь, неуклюже пошагал в сторону Максима, из-под правой его штанины виднелся пластмассовый наконечник протеза. Поравнявшись с Максимом, мужик схватил его за руку.

— Меня Иван зовут, а тебя?

— Максим.

Он крепко держал за руку и смотрел прямо в лицо, от этого Максиму стало неприятно и хотелось отвернуться.

— Железо — это всё ерунда, Максим. Железо — это железо. Главное, сам целый остался. Понимаешь? Я в этом месте, точно в этом месте, два раза бывал. Понимаешь? — Он ещё посмотрел на Максима, но больше ничего не сказал, отвернулся и ушагал к своей машине, сел в кабину.

Трактор монотонно урчал мотором. Тракторист стоял рядом с сумками и ничего не спросил про трос. Максим сам сказал:

— Нету. — И тут же побежал вниз к машине.

— Да у тебя, наверно, короткий?

Но Максим ничего не ответил. Он забрался внутрь, всё обыскал и нашёл. Красный, крепкой плотной лентой. Аккуратно свёрнутый и убранный в прозрачный пакетик. Вылез из машины, на ходу скинул пакет, развернул трос, отдал его трактористу. Тот едва глянул.

— Ну, что это, — и как попало стал засовывать трос в правый карман куртки. Неожиданно замер и поглядел вдоль по дороге в сторону, противоположную от деревни.

— Неужели едут? — сказал недовольно. — Словно на тот свет катались. — Трос он так и не засунул до конца, и тот болтался, вылезая из кармана красной нарядной ленточкой.

По дороге ехала та самая зелёная машина, она снова помигала правым поворотником. Сзади к машине был привязан железный трос. Он, видимо, плохо гнулся и тащился следом какой-то загибулиной. Все подошли посмотреть. Даже мужик из белой машины. Ржавый трос лежал на заледенелой дороге тонким уродливым червём.

— С трактора снял, велено вернуть.

— А вы сегодня работаете? — спросил мужик из белой машины.

— Работаем, работаем, Ваня.

Свояк схватил трос и напрямую пошёл к машине. Трос тащился за ним по снегу. Тракторист пошёл помогать. Вдвоём они долго возились около машины, куда-то заглядывали, приседали, словно делали упражнения. У Максима заболела голова, затылок. Если до этого ему казалось, что это всё неправда, что всё это происходит не с ним, то теперь он понял, что всё так и есть.

— Никак, — сказал тракторист, повернувшись к дороге. Это значило, что никак нельзя зацепить. И в этот самый момент Свояк ухватился за кончик красной ленты:

— А это что? — и стал вытягивать трос из кармана тракториста, как фокусник.

Максим засмеялся. Тракторист кивнул в его сторону:

— А это его, машинный.

— Вот этим и зацепим, а дальше мой пойдёт.

Тракторист кинул железный трос в снег и стал подниматься к дороге.

— Цепляй, — кинул через плечо.

Красная лента легко обвилась вокруг заднего колеса. Трактор с лязгом заскрёб гусеницами по льду. Трос натянулся, выскочил из снега, сначала красный, а потом рыжий. Машина встала на колёса, и все громко закричали, замахали руками, стали показывать трактористу, что больше не надо. У Максима болела голова так, как ноют руки, когда заморозишь их, а потом они отходят в тепле.

Все спустились к машине. Оказалось, что разбита задняя левая фара, сильно замято заднее левое крыло. И вообще, вся левая сторона помята. Зеркало оторвано. Но двери открываются. Когда их открыли, из машины посыпались лампочки, предохранители, открытки с храмами. Максим, не разбирая, побросал всё обратно.

Машину можно было вытащить только вперёд: в эту сторону насыпь более-менее пологая. Все поднялись наверх, и Максим вместе с ними. Один

Свояк остался около машины, словно он сапёр, а в машине бомба. Насвистывая, привязывал ленту к переднему бамперу. Все устали. Вернее, Максим устал, и ему было всё равно.

Из деревни подошёл Коля Носатый. Он крикнул вдруг:

— Ты чего делаешь?! — и упал в снег бруствера. Снова лицом. Приподнялся на руках и крикнул Свояку: — За ось цепляй! За балку! За бампер не цепляй, оторвёт!

Свояк посмотрел на Колю и засмеялся.

— Спасибо, Носатый! — Он отмотал ленту от бампера и залез под машину почти по пояс.

Над Колей никто не смеялся, все стояли сзади Максима, и никто не смеялся, словно никого и не было. Максиму снова стало жалко Колю. А тот поднялся и стал ходить по брустверу туда-обратно. Сгорбившийся. Держал то одну, то другую руку в кармане, а свободной рукой махал. Кричал почти одно и то же:

— Жёстко ездит молодёжь! Газ давят, а тормоза не знают. Газуют только. Летуны! Трактор забуксует, вытащить не сможет. Ещё всю неделю, дней десять здесь будешь жить. Новый год справлять с нами будешь. У меня можешь.

Казалось, говорит он это почему-то не Максиму, а Свояку. Казалось, что Коле нравится кричать здесь, в лесу.

Наконец Свояк вылез из-под машины. Лицо у него было красное.

— Ты, Носатый, кончай! Сам-то сколько раз летал?

— Тринадцать, а, может быть, и больше, — не задумываясь, ответил тот. Но болтать перестал.

Как только вытащили машину, Коля махнул рукой и пошёл к деревне. Снова пошатываясь, качаясь из стороны в сторону. Похоже, он замёрз без куртки и хотел скорее домой.

А машину вытащили легко, колёс не было видно, и казалось, что она плывёт по снегу. Трос отвязали быстро, Максим даже не успел этого заметить. Свояк первым делом открыл капот.

— Всё, вроде, на месте, масло по минимуму. Дружище, тебе везёт — радиатор полный, можешь заводить. — Он открыл водительскую дверцу. Из машины снова посыпались мелкие запчасти. У Максима дрожали ноги, и он не сходил с места, только достал из кармана ключи от машины и поиграл ими. Тогда тот мужик, что походил на тракториста, вдруг сказал басом:

— Давай сам, Свая!

Свояк радостно схватил ключи, сел на водительское сидение, что-то дёрнул, что-то нажал, включил зажигание — и машина заработала.

— Как часики! — засмеялся Свояк. — Ты давай садись, езжай потихоньку, а мы за тобой, как джипы сопровождения! — Он вылез из машины. — Только ничего не включай, без фар едь, а то замкнёт ещё! Ничего не включай! Давай, давай, а то нам некогда!

Они усадили Максима внутрь, а ему казалось, затолкали насильно, захлопнули дверцу. Все расселись по машинам. Из трубы трактора пошёл чёрный дым, видимо, тракторист дал слишком много газа. Максим включил первую скорость и тронулся. Как только он увидел перед собой белую ледяную дорогу, сразу вспомнил, как занесло: влево, потом вправо, потом снова влево, окончательно развернуло и кинуло в кювет. Он вспомнил, как при каждом заносе с боков машины и впереди неё поднимались белые облака снега. Видимо, того снега, что лежит сверху на ледяной корке. Максим хотел знать, едут за ним мужики или нет, он хотел отблагодарить их. Но не мог посмотреть: левое зеркало было сломано вовсе, правое свёрнуто в сторону, а на заднем стекле накидан снег. Он не знал, едут за ним или нет, но останавливаться не хотелось. Навстречу бежала только белая дорога, да иногда кажушиеся большими круглые, словно удивлённые, фары встречных машин.